

© 2015 г.

Р.Х. СИМОНЯН, Т.М. КОЧЕГАРОВА

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ: ВРЕМЯ И МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Распад СССР вызвал мощную волну планетарных последствий, в том числе и превращение биполярного мира в однополярный. Подобные характеристики во многом условны, так как и в биполярном мире существовали как проблемы, выходящие за компетенцию двух великих держав, так и государства, игнорирующие их волю.

Условность однополярности проявляется в том, что, хотя Советского Союза нет, но его функцию по защите угнетенных и обездоленных теперь выполняет ислам, растущие возможности которого в ее реализации обеспечиваются углубляющейся пропастью между “золотым миллиардом” и остальным населением земного шара. Располагая многими преимуществами – демографическими (высокий коэффициент рождаемости), социальными (солидарность, коллективизм, незыблемость семейных устоев) и психологическими (пассионарность, отсутствие рефлексии) – ислам последовательно усиливает свой потенциал нового лидера на мировой арене. Но пока исламский мир еще находится в пубертатном состоянии.

К равенству по критерию “великой державы” наиболее быстро продвигается Китай. Не демонстрируя свои политические амбиции, Китай успешно реализует марксистский тезис об экономическом базисе, добиваясь уникальных результатов в развитии экономики. Начиная со времени реформ и открытия страны в 1979 г., Китай следует завету Дэн Сяопина “скрывать способности, выжидая подходящего момента”. Этот момент может наступить уже через 10–15 лет.

Подтверждением однополярности мировой системы международных отношений служит позиция еще одного важнейшего игрока на мировой сцене – Евросоюза. Хотя внешняя политика ЕС не является механическим продолжением внешней политики США, но его влияние на мировые процессы, и прежде всего, на мировую финансовую сферу существенно слабее. Это признают и сами руководители Евросоюза. Жак Сантер, председатель Европейской комиссии в 1996–2000 гг. назвал Евросоюз “экономическим гигантом, который остается политическим карликом”¹. В полной мере это относится и к военной сфере, где ключевую роль играют США, обладающие самыми мощными в мире вооруженными силами. Но главный показатель гегемонии США – это его превосходство в человеческом капитале, в притяжении к себе мирового интеллектуального ресурса. Более 80% нобелевских лауреатов – это граждане США или те, кто там постоянно проживает.

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, главный научный сотрудник Центра Североевропейских и Балтийских исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ.

Кочегарова Тамара Михайловна – ученый секретарь Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

¹ *Сантер Ж.* Голос Европы должен быть услышан. – Россия в глобальной политике, 2003, № 2, с. 46.

Если в 2002 г. французский социолог Эммануэль Тодд писал, что “разработчики вашингтонской политики рассматривают Европу как единственно возможную будущую угрозу американскому доминированию в мире”², то сегодня это суждение вызывает сомнение. Даже превосходство Европейского союза над США в численности населения (в 2013 г. 507 млн человек против 309 млн человек) и в объеме ВВП (17,4 трлн долл. против 15,6 трлн долл.) лишь подтверждает отмеченную выше условность дефиниции “однополярный мир”, но не ставит под сомнение реальность ведущей роли США в современном мире.

На фоне отношений с США в рамках атлантического “партнерства-подчинения” в Европе развиваются более содержательные процессы, определяющие ее положение в новой конфигурации мира. Углубляющийся кризис Евросоюза имеет под собой фундаментальные причины, связанные как с внутренними факторами, так и с глобальными вызовами. Внутренние связаны с культурным многообразием Европы, которое было проигнорировано брюссельскими чиновниками при создании Евросоюза. Они повторили ошибки большевиков при организации управления союзом республик, куда входили и Туркмения, и Эстония. Не учитывать существенные различия культур и менталитетов – например, жителей Средиземноморья и жителей Скандинавии – родовая черта бюрократии, стремящейся к созданию общего “универсального” регламента.

Стратегически продуктивная идея планирования хозяйственного развития была погублена советскими бюрократами экстраполяцией ее до мелочного планирования “всех и вся”, что явилось одной из причин кризиса советской экономики. Стратегически продуктивная идея объединения экономических ресурсов Европы была дискредитирована брюссельскими чиновниками перенесением этой стратегии сначала в тактическую, а затем даже в оперативную сферу кредитно-финансовой политики, что явилось одной из причин экономического кризиса в Евросоюзе.

Необходимость общеевропейской интеграции для сохранения роли Европы в мире понимали лучшие российские умы еще в XIX в. Так, в 1884 г. С.Ю. Витте писал: “Вообразите, что вся Европа представляет собой одну империю, что Европа не тратит массу денег и труда на соперничество различных стран между собою... тогда Европа была бы гораздо сильнее, и гораздо культурнее, она действительно являлась бы хозяином всего мира, а не дряхлая бы под неимоверной тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того чтобы этого достигнуть, нужно, прежде всего, стремиться установить прочные отношения между Россией, Германией и Францией. Тогда образуется общий континентальный союз... иначе Европа и вообще отдельные страны, ее составляющие рискуют очень большими невзгодами”³. Практика это вскоре подтвердила.

Идеи объединения европейского материка, выдвигавшиеся мыслителями на протяжении истории Европы, с особой силой зазвучали после Второй мировой войны, когда наметилось отставание Европы в экономическом развитии от США, а затем и от Японии. Объединение ресурсов европейских стран означало появление мощного актора мирового развития. В своих программных документах руководство Евросоюза ставит задачу превращения ЕС в главную силу в мировой экономике, основанную на знаниях, на базе устойчивого экономического роста и возможно более полной занятости, что сформулировано в Лиссабонской декларации 2000 г. Но “хозяйственные успехи Европы оказались посредственными, – признавалась Комиссия ЕС в своих бюджетных наметках на 2007–2013 гг. – Начиная с 1995 г. средний темп экономического роста в ЕС составлял всего 2,1% в год против 3,8% в мире в целом и 3,2% в США. И если не принять немедленных мер, то европейская экономика будет и дальше утрачивать свои позиции”⁴. Решение острых внутренних проблем является условием сохранения и развития Евросоюза.

² Todd E. *Après l'Empire. Essai sur la décomposition du système américain*. Paris, 2002, p. 189.

³ *Bumme С.Ю.* Воспоминания, т. 2. М., 1960, с. 122–123.

⁴ *Le Soir*, 10.II.2004.

Но еще более опасными для Европы становятся глобальные вызовы, которые только начинают осознаваться широкими массами. Экономический и управленческий кризис происходят на фоне не столь заметного, но более фундаментального кризиса Европы как колыбели христианской цивилизации. Научное сообщество в последние 10–15 лет стало активно исследовать комплекс проблем, связанных с происходящим изменением духовного облика Европы, с демографическими сдвигами, проблемами идентификации, иммиграционным взрывом, снижением геостратегического веса Европы в мировом сообществе, кризисом мультикультурализма.

В течение многих веков в мировой системе Европа задавала тон, но сейчас стоит вопрос не столько лидерства, сколько места и роли Европы в глобальном мире. Эта опасность была замечена еще в начале XX в. и глубоко исследована Освальдом Шпенглером, который обосновал, что закат Европы может оказаться не сенсацией, а строго исчисляемым прогнозом. Почти век спустя Кристофер Колдуэлл в своей ставшей сразу бестселлером книге “Размышления о революции в Европе: иммиграция, ислам и Запад”, анализируя процесс демонтажа основ европейской цивилизации, повторит тезис О. Шпенглера об «осуществленной в собственном своем доме победе “цветной” революции и окончательное похищение Европы другими цивилизациями»⁵ и напомнит еврооптимистам, что “в России в 1917 г. большевиков было гораздо меньше, чем сегодня исламистов в Европе”⁶.

Необходимость общеевропейской интеграции перед лицом глобальных вызовов особенно остро осознается в интеллектуальных слоях стран ЕС. Как и опасность повторения преступного раскола христианской Европы, позволившего Османской империи почти на 500 лет поглотить значительную часть европейского материка. Падение Византии было первым ощутимым поражением христианского мира. Оно произошло, когда Европа, которая только что была грозным монолитом и могла объединяться в крестовых походах. Взаимная неприязнь Рима и Константинополя была столь велика, что некоторые руководители Византии считали, что лучше сдаться туркам, чем пойти на союз с папой⁷.

Цена современных цивилизационных рисков более высока. Да и не вполне корректно сравнивать региональные масштабы агрессии османов XV в. с глобальными притязаниями радикальных исламистов в XXI в.

Расширение Евросоюза на Восток вызвано не только политическими и экономическими мотивами, но и геостратегическими целями – самосохранением Европы как социокультурной целостности. В нем проявляется инстинкт самосохранения цивилизации. Парадокс заключается в том, что по сравнению с Западной Восточная Европа становится более надежным ареалом европейской цивилизации, здесь население испытывает значительно меньшее воздействие неевропейской культуры. Так, наибольшая экспансия исламского влияния происходит в странах-лидерах Западной Европы – Великобритании, Франции, Германии, тогда как, например, в Польше – признанном лидере Восточной Европы его практически нет. Нет его и в России.

Возник еще один парадокс – процесс общеевропейской интеграции захватывает страны, не принадлежащие Европе, т.е. начинает доминировать уже не географический, а социокультурный, ценностный критерий. Помимо Украины, Молдавии и Белоруссии, вхождение в обозримом будущем в Евросоюз расположенных за Большим Кавказским хребтом, т.е. в Азии, – Армении и Грузии представляется естественным, ибо уклад жизни этих христианских стран, как и их ценности, находятся в европейском культурном пространстве.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1993, с. 161.

⁶ Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam and the West. New York, 2009, p. 231.

⁷ Лука Нотарас – флотоводец, родственник императора был противником унии с Римом, он искренне считал, что “лучше тюрбан султана, чем mitra папы”. Есть версия, что это Нотарас открыл туркам ту самую дверь в башне Керкапорта, через которую янычары ворвались в город.

В течение многих веков в мировой системе Европа задавала тон. О величии Европы всего 80 лет назад, в 1935 г. Джавахарлал Неру писал своей дочери: “Открыв атлас, ты увидишь маленькую Европу, примыкающую к огромному Азиатскому континенту. Но это конечно не означает, что обширные размеры Азии делают ее великой. Мы хорошо знаем, что Европа, хотя и малая часть света, сегодня является великой”⁸. Но сегодня стоит вопрос уже не о величии, но месте и роли Европы в формирующейся новой конфигурации мира. В 1980 г. европейцы составляли 25% населения земного шара, через 30 лет, в 2010 г. их доля уменьшилась до 10%, а еще через 30 лет, в 2040 г., как утверждают демографы, европейцев будет уже менее 6%. В какой-то степени европейцы в глобальном мире окажутся в том же положении, в каком сегодня белые в ЮАР. Осознание этой угрозы становится доминирующей тенденцией в общественном сознании Европы.

Эту тенденцию убедительно подтвердили состоявшиеся в мае 2014 г. выборы в Европарламент: треть мест получили крайне правые и националистические партии, в том числе французский “Национальный фронт” под руководством Марин Ле Пен. Уже сегодня многие европейцы хотят, чтобы политику Старого Света определяли не либералы и не социалисты с их чрезмерными толерантностью и политкорректностью, а националисты и евроскептики, критики политики Евросоюза, и, что особенно важно, сторонники сближения с Россией. Здесь весьма показательным является то, что вопрос о пределах политкорректности появился именно в российском научном и художественном дискурсе⁹. Характерно, что пророссийские настроения в правой части нового Европарламента оказались полной неожиданностью для брюссельских чиновников.

Следовательно, если европейцы проявляют беспокойство о своей роли в глобальном мире, то они начинают осознавать, что в Европе у них есть только один стратегический союзник – Россия, историческая заслуга которой заключается в том, что она расширила пространство европейской цивилизации до Тихого океана. Без России Европа может превратиться в очень маленькую, исчезающую часть мирового сообщества на небольшом и не имеющем значения полуострове на оконечности громадного Евразийского континента.

А что же Россия? Если Китай превратил социалистическую экономику в социалистическую рыночную, в международных отношениях вошел в *Rax Americana*, принял долларовый эквивалент и вступил в цивилизацию XXI в., добившись удивительных экономических успехов, роста военной силы и политического влияния, то наша страна не приобретала, а утрачивала свои позиции. Если в середине 1970-х годов СССР имел 12–14% мирового ВВП по сравнению с 22–24% США, то это были однопорядковые величины (соотношение 1 к 2). В 2014 г. Россия имела 2,5%, США – 23%, а это уже величины разнопорядковые (соотношение 1 к 9). СССР не только не уступал США в численности населения, военной мощи, в научно-техническом комплексе, но в ряде направлений превосходил американскую науку. Тогда у нас была одна из лучших в мире систем образования, и, что особенно важно для статуса великой державы, многочисленные союзники, прежде всего по Варшавскому договору. В нынешней России ничего этого нет. А незначительность количественной доли нашего ВВП в мировой экономике усугубляется ее качеством: более трех четвертей ВВП России – это сырье и углеводороды, а из небольшой доли машиностроения 80% – это отверточная сборка. В 2013 г. в структуре внешней торговли РФ доля товаров с высокой добавленной стоимостью составили 4,5% (в 1990 г. этот показатель был 37%), т.е. “за постсоветский период произошло превращение великой индустриальной державы в технологическое захолустье”¹⁰.

⁸ *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю, в 3-х т., т. 1. М., 1989, с. 48.

⁹ Е. Чудинова в написанном в 2004 г. романе “Мечеть парижской богоматери” художественными средствами выражает давно обсуждаемый в российских научных диспутах тезис: излишняя толерантность становится отправной точкой начала гибели цивилизации. Ее книга переведена почти на все европейские языки.

¹⁰ *Гринберг Р.* Место и шансы России в мировой экономике. – Проблемы теории и практики управления. М., 2008, с. 41.

Курс на модернизацию России с 2008 г. – начало мирового экономического кризиса – регулярно провозглашается ее руководителями. Нынешний более масштабный кризис замену экономической модели, созданной в 1990-х годах, возводит в ранг общенациональной идеи, ибо на повестке дня стоит вопрос о сохранении российского государства как индустриальной державы, а не сырьевого придатка развитых государств.

Одним из необходимых условий решения задачи модернизации является взаимодействие с Евросоюзом – нашим главным внешнеторговым партнером, источником инвестиций и наукоемких технологий. В 2013 г. на ЕС приходилась половина всего российского экспорта, свыше 70% иностранных инвестиций и почти 90% наукоемкой продукции. Но экономикой вовсе не ограничивается смысл европейского вектора России. Когда-то Уинстон Черчилль, характеризуя внешнюю политику Великобритании, подчеркнул примат “интересов” над “друзьями”. Ни с кем из главных субъектов мировой системы, включая США, Китай, Японию, Индию, мусульманский мир, у России нет и не будет столь общих интересов, как с Евросоюзом, какие бы коллизии не возникали. Наш национальный гений Ф.М. Достоевский дал точную формулу нашей идентичности: у русского человека две родины – Россия и Европа.

Привлекательность Европы, как образа жизни (по сравнению с Китаем, и, тем более, исламом), для подавляющего большинства современных россиян основывается на близости культур. Но не только. Европа создала общественную систему, наиболее полно отвечающую самой человеческой природе – стремиться к личному успеху и свободе. А в рамках рыночной экономики – к богатству, и, что не менее важно, к равенству в свободе и возможности достижения богатства. Растущий поток мигрантов в Европу свидетельствует, что конкуренцию выигрывает не только тот, кто богаче, но тот, кто становится мечтой для всех.

Европейский вектор движения России был восстановлен в конце 1980-х годов и за четверть века стал доминирующим, несмотря на возникающие в этом движении политические и идеологические проблемы, связанные, в основном, с 70-летней изоляцией нашей страны и процессом распада СССР, последствия которого будут еще долго ощущаться на постсоветском пространстве. Как события в Грузии в 2008 г., так и события на Украине в 2014 г. негативно влияют на взаимовыгодное сотрудничество РФ и ЕС, но стратегия общеевропейской интеграции остается основополагающей.

За последнее 20-летие Россия резко ослабила свой научно-технический потенциал, в то время как Евросоюз вкладывал в его развитие сотни миллиардов долларов. Ни таких денег, ни такого количества времени у России сегодня нет. Вопросы модернизации России не решает взаимодействие с такими странами, как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР. От них нельзя получить ни кредитов на выгодных условиях, ни тем более высоких технологий. В большинстве случаев эти страны используют технологии Запада. Поэтому новый вариант изоляции России от остальной Европы маловероятен не только из-за ограниченности ресурсов для его реализации, но еще, по крайней мере, по двум основополагающим причинам. Во-первых, общемировой: судьба европейской христианской цивилизации. Во-вторых, национальной: сохранение российской государственности, для чего необходима модернизация.

Природные ресурсы России и еще сохранившаяся фундаментальная наука – это объективная основа для взаимовыгодного сотрудничества с ЕС. А происходящая конвергенция западнохристианской и восточнохристианской культур – стратегический императив, который неизбежно будет сопровождаться путевыми издержками, тактическими зигзагами, связанными с политической конъюнктурой, возрастающей ролью субъективного фактора в историческом процессе, и особенно состоянием массового сознания россиян. Последнее особенно важно учитывать, ибо существенная часть российского общества еще долго будет испытывать глубокий посттравматический синдром, вызванный сначала распадом великой державы, а затем экономическими реформами 1990-х годов. Поэтому в наступившем охлаждении в отношениях РФ – ЕС значительную роль играют компенсаторные механизмы фрустрированного общества.

Часто используемое в этой связи в научной периодике обращение к Веймарской Германии не может служить полноценной аналогией: там источник, поставивший страну “на колени”, был внешним. Но справедливость суждения Макса Вебера: “нация простит ущемление ее интересов, но не простит оскорбление ее достоинства”¹¹ – нынешняя ситуация полностью подтверждает.

Европейская ориентация России, восстановленная во времена горбачёвской перестройки, успешно продолжалась весь постсоветский период. Россия вошла в целый ряд европейских институтов, были подписаны многочисленные документы о сотрудничестве, происходило сближение российского и евросоюзного законодательства, часть российских правовых норм была приведена в соответствие со стандартами Евросоюза, прежде всего, в экономической сфере. Еще в 2001 г. комиссар ЕС по внешним связям Кристофер Паттен провозгласил тезис: “Мы, конечно же, не можем просить от России привести свое законодательство в соответствие с нормами Евросоюза, но деятельность российских фирм на европейском пространстве значительно упростится, если правовые рамки будут общими”¹².

Рассматривая историю отношений России с Евросоюзом, можно утверждать, что у новой России были хорошие шансы стать демократическим государством с эффективной экономикой. Общественное мнение единодушно было настроено на интеграцию с остальной Европой. В октябре 1991 г. ВЦИОМ провел одно из самых масштабных исследований. Было опрошено по репрезентативной выборке 4 500 респондентов, 74% из которых разделяли европейские демократические ценности, и только 13% их не разделяли¹³. Желание и помощь Запада в достижении этой цели были бы своевременными и очень ценными. В начале 1990-х годов Запад был непререкаемым авторитетом для России. Визит Б.Н. Ельцина в Германию в декабре 1994 г. “к другу Гельмуту” Колю, подробно освещенный в западных масс-медиа, показал огромный ресурс реализации этих шансов. Тогда от западных лидеров зависело очень многое, даже чересчур многое. Об этом свидетельствуют опубликованные многочисленные мемуары западных политических деятелей. Стоит привести свидетельство Томаса Грэхема, одного из руководителей посольства США в период 1991–1997 гг.: “Ельцин делал такие уступки США, которые не соответствовали мнению большинства россиян. У нас была уверенность, что мы можем им манипулировать, как того захотим”¹⁴.

Можно сделать вывод, что наиболее важным для формирующегося нового государства дать “не захотели”. В том, что после распада СССР, новая Россия не стала современным демократическим государством, значительная доля вины лежит и на американских, и европейских руководителях. В 1990-х годах они всемерно поддерживали процесс формирования в России олигархического, криминального государства, активно участвуя во внутривнутриполитических интригах тогдашней российской власти. Поддерживая все действия российского руководства в 1990-х годах, ведущие к ослаблению собственной страны, к снижению ее международного статуса, ее конкурентоспособности на мировом рынке, западные политические лидеры, возможно, достигали каких-то тактических выгод¹⁵, но оказались стратегически недальновидными. Ведь глубокий цивилизационный смысл заключается в том, что Западу выгоднее иметь рядом с собой здоровую, благополучную и демократическую Россию. Но западные политики 1990-х годов оказались в плену у мелких эгоистических интересов. Поэтому, когда Запад стал

¹¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 694.

¹² Patten C. Economic Space and Beyond: EU Enlargement will help to build Closer Economic Ties between Russia and the Rest of Europe. – Financial Times, 5.XII.2001.

¹³ Аргументы и факты, 1991, № 46, с. 4.

¹⁴ Век, 2000, № 14, с. 6.

¹⁵ Хотя некоторые российские аналитики считают, что мотивы поддержки Ельцина и гайдаровских реформ были связаны с задачей ослабления главного потенциального противника, каким был СССР. Это признают и сами американцы. См., например: Goldgeier J.M., McFaul M. Powers and Purpose: U.S. Policy toward Russia after the Cold War. Washington, (DC), 2003.

вдруг проявлять щепетильность по отношению к нынешней России, то у значительной части россиян это вызывает раздражение. Как тут не вспомнить Уильяма Пфаффа с его шумевшей статьей “Неумная западная политика способствовала превращению России в пороховую бочку”¹⁶.

В начале 1990-х годов у ЕС и Российской Федерации была возможность построить общеевропейскую систему безопасности. Но был упущен и этот уникальный шанс. Способствуя созданию такой России, каковой она теперь является, Запад пожинает плоды своего эгоизма, ему приходится иметь дело с более трудным партнером. Но выбора ни у Евросоюза, ни у России нет, какие бы взаимные претензии не предъявлялись. Перефразируя утверждение известного персонажа, можно сказать про Евросоюз, что у него нет другой России, как и про Россию, что для нее нет другого Евросоюза. Интеграция Европейского Союза и Российской Федерации – это геополитический императив, который требует исходить не из каких-либо идеальных побуждений, а сугубо из прагматических интересов, как Европы, так и России. Ибо геополитическое пространство, столь необходимое как ЕС, так и РФ, будет сокращаться, что приведет к серьезным потерям и для Евросоюза, и для России.

Следует отметить, что конвергенция двух основных акторов Европы происходит достаточно интенсивно, о чем свидетельствует, что уже к 2007 г. в странах ЕС, по данным В. Никонова, постоянно проживало более 10 млн россиян¹⁷. С тех пор это количество увеличилось. Так, по данным Росстата, в 2013 г. из России на постоянное место жительства в другие страны выехали 206,3 тыс. человек, большинство из которых предпочли Европу¹⁸. Многие тысячи российских студентов учатся в европейских университетах, в сфере бизнеса функционируют более 10 000 совместных российско-евросоюзных предприятий. А в России влияние европейских стандартов проявляется как на уровне повседневности – от подъемных устройств для инвалидов до световых табло интервалов движения городского транспорта на остановках, так и на правовом уровне – до возможности обращения в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Взаимодействие с ЕС – это определенное ограничение произвола российской бюрократии. В 2012 г. ЕСПЧ удовлетворил 127 исков россиян против России, в 2013 г. – 134.

Взаимодействие России и Евросоюза – процесс, не имеющий альтернативы. Расширение взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур актуализирует проблему соседства. Используя известный афоризм Зигмунда Фрейда “анатомия – это судьба”, можно утверждать, что “география – это судьба”. В мире повышенных рисков кооперация рациональнее, чем конфронтация, а фактор благоприятного соседства является необходимой гарантией стабильности миросистемы. Следовательно, кооперация и сотрудничество являются более естественным состоянием соседей в современном мире, чем противостояние и конфликт. В этом смысле глобализационные процессы несут не только вызовы и угрозы, но и открывают новые возможности сотрудничества. Еще в начале XX в. Георг Зиммель пришел к выводу, что “граница – это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется”¹⁹.

В условиях глобализации границы теряют барьерные функции. Даже если официальные очертания границ не меняются, изменяются взгляды на то, что эти границы представляют – осуществляют ли они функции кооперации или защиты от внешних неблагоприятных воздействий. Феномен соседства особенно эффективен тогда, когда близость географическая совпадает с близостью культурной. Яркий тому пример – Северная Америка. По оценкам американского экономиста Пола Кругме-

¹⁶ The International Herald Tribune, 12.VII.1996.

¹⁷ Никонов В. Кто такие русские? – Этнодиалоги. Альманах, 2009, № 1(30), с. 95.

¹⁸ Аргументы и факты, 2014, № 11, с. 7.

¹⁹ Зиммель Г. Избранное, в 2-х т. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996, с. 599.

на, торговля между США и Канадой была бы в 14 раз меньше, если бы они не были соседями²⁰.

Эффективность соседства во многом определяется еще и тем, какими своими пространствами государства непосредственно соприкасаются. Особенность для России заключается в том, что территориальная структура экономики нашей страны имеет выраженный европоцентричный характер, Россия обращена к ЕС своей наиболее развитой частью, которая включает в себе культурный и инновационный потенциал мирового значения. Это российский северо-запад с Санкт-Петербургом (Мурманская, Ленинградская, Псковская, Калининградская области и Республика Карелия), который своей значительной частью входит в Балтийский регион. При этом Калининградский эксклав, расположенный внутри Евросоюза, обладает уникальным потенциалом для интенсификации взаимодействия России и ЕС.

Основная часть морских, железнодорожных, автомобильных грузов между Россией и Евросоюзом осуществляется через приграничные зоны Северо-Западного Федерального округа РФ, здесь же осуществляется многовековой интенсивный культурный обмен.

Что же касается готовности к переменам, то, как существуют отрасли промышленности России, наиболее готовые к модернизации, так и среди российских регионов есть лидеры в этом направлении. В российском Северо-Западе ориентация на кардинальные общественные преобразования и использование для этих целей ресурсов Евросоюза выражена сильнее, чем в других регионах, что помимо других факторов, связано с его приграничным положением.

Евросоюз обращен к России своим северо-востоком (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша), который также составляет значительную часть Балтийского региона. Европа, в которой задают тон социальные государства или социально ориентированные экономики, обладает обширным регионом, где социал-демократические ценности являются традиционными в течение уже более полутора веков. Это Скандинавские страны и Финляндия, составляющие северную часть Балтийского региона. В советское время термин “шведский социализм” подчеркивал эту традицию. Особенность наших северных соседей – генетическое стремление к равенству, присуща и русскому социальному мышлению. В российской ментальности одна из ее базовых ценностей – социальная справедливость означает, по существу, тот же феномен равенства, только в более категорическом, сакральном выражении. Факт, который вызывает глубокое недоумение выбором российскими реформаторами модели капитализма – крайне либеральной, совершенно чуждой российскому этносу, в то время как рядом, по соседству эффективно – и экономически, и общественно-политически, и морально-этически – функционирует социал-демократическая модель, психологически близкая и приемлемая для России. Столь выгодное соседство российские руководители, приступая в 1990-х годах к реформам, к сожалению, не использовали.

На юго-восточной части балтийского побережья расположены страны Балтии. Из 7 млн населения этих стран-членов Евросоюза 1,5 млн составляют русские, а всего русскоязычных – 1,8 млн чел. В отличие от наших бывших соотечественников, эмигрировавших в постсоветское время в Европу, здесь они не рассеяны, а образуют устойчивую консолидированную диаспору. Российская диаспора в странах Балтии – это горожане, преимущественно жители столиц, промышленных и портовых городов. Эта выгодная особенность диаспоры отражается в том, что мэры крупных городов, и, прежде всего, столиц стран Балтии в своей деятельности дистанцируются от национал-радикальных правительств. Городское управление связано с задачами не столько политическими, сколько с хозяйственными, требующими учета конкретных практических, а не идеологических факторов для обеспечения жизненных потребностей сотен тысяч людей. Городские власти (мэрии, городские собрания) в отличие от государственных

²⁰ Цит. по: Ланко Д.А., Оситова М.В. Исследование проблем мира в Северных странах и России. – Вестник Санкт-Петербургского университета, 2004, вып. 2, № 14, с. 53.

(парламенты, министерства) ближе к непосредственным нуждам населения, что делает крупный город самостоятельным экономическим и культурным субъектом общественного управления. Конфликты между государственными и городскими властями, характерные для многих стран, особенно наглядно проявились в странах Балтии. Здесь противоречия между реальным и политическим наиболее контрастны.

Вильнюсом много лет руководит прагматик Артурас Зуокас, Таллинном и Ригой руководят лидеры, по мнению национал-радикальных правительств этих стран, “про-российских” партий – Эдгар Сависаар и Нил Ушаков. Воспринимаемый как парадокс факт, что в Латвии, где политический истеблишмент отличается последовательной русофобией, этнический русский дважды с большим преимуществом выигрывает выборы в столице Латвии, объясняется тем, что в городах и муниципалитетах проходит реальная жизнь граждан.

Наша диаспора в странах Балтии, имеющая многовековую историю, сложившиеся традиции, давно сформировавшуюся социальную структуру, располагает многочисленными общественными, политическими, образовательными и культурными институтами. Доля бизнеса российской диаспоры составляет существенную часть экономики стран Балтии. Российские руководители в 1990-х годах, увлеченные тогда иными делами, бросили, по существу, нашу диаспору в странах Балтии на произвол судьбы, т.е. и эта выгодная особенность приграничья не была использована.

Если субъективный фактор оказался несостоятельным, то объективные процессы приграничного взаимодействия за постсоветское время набрали мощный ход. Для приграничных регионов, внешние связи выступают важным фактором их устойчивого развития, что обусловлено существующей договорно-правовой базой. В ее структуре можно выделить три уровня институционального взаимодействия. На уровне государства оно определено Федеральным законом “О приграничном сотрудничестве”, с учетом положений “Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей”. Взаимодействие на региональном уровне регламентируется правами областных приграничных органов по взаимодействию с сопредельными странами в области торговли, развития совместного бизнеса, образования, культуры, решения экологических проблем. На муниципальном уровне осуществляется взаимодействие в рамках различных программ ЕС по приграничному сотрудничеству с РФ, которые позволяют регионам по обе стороны границы усилить кооперацию в сферах, представляющих общий интерес. Эти программы позволяют приграничной зоне северо-запада России использовать в своем развитии средства ЕС. В 1994 г. был создан Конгресс местных и региональных властей Совета Европы, в котором Россия (наряду с Германией, Великобританией и Францией) имеет наибольшее представительство – 18 членов, а с 1996 г. началось приграничное сотрудничество между Республикой Карелия и тремя финскими губерниями по направлениям: малый бизнес, культура, образование, коммуникации, муниципальное управление, экология. Ленинградская область сотрудничает с сопредельными районами Финляндии по программе “Юго-Восток Финляндии – Россия”. Псковская область (единственный субъект РФ, одновременно граничащий с тремя государствами – Латвией, Эстонией и Белоруссией) участвует в программах INTERREG III – “Эстония – Латвия – Россия” и “Латвия – Литва – Беларусь – Россия”, Калининградская область – в INTERREG III B (Программа соседства региона Балтийского моря) и INTERREG III A (программа “Соседство: Литва – Польша – Калининградская область РФ”). Всего по программам приграничного взаимодействия ЕС в приграничные районы северо-запада РФ было инвестировано более 480 млн евро. Важно подчеркнуть, что приграничные программы ЕС содействуют модернизационной направленности взаимодействия. Так, с 2009 г. российскими и финскими специалистами выполняются 14 специализированных научно-технических проектов в рамках инициативы “Партнерство для модернизации”²¹.

²¹ Шлямин В.А., Ковиов А.С. Особенности российско-финляндского экономического взаимодействия. – Международная экономика, 2014, № 11, с. 9.

Инициатива на местном уровне находит свое выражение в многообразии форм сотрудничества. Так, города и районы Карелии имеют побратимские связи в общей сложности с 67 городами и коммунами Финляндии. В рамках побратимских связей не только многие деревни и поселки, но и учебные, научные учреждения, больницы, детские дома, предприятия имеют партнеров в Финляндии.

В условиях современного глобализованного общества интенсификация информационных потоков и межкультурных взаимодействий приводит к девальвации институализированных доминант и оформлению тренда на разнообразие форм, когда взаимодействие между соседними странами выстраивается снизу, на микроуровне. Возрастающую ценность этого социокультурного продукта глобализации вынуждены признать и на макроуровне: приграничное сотрудничество не подпадает под санкции ЕС, все программы в 2014 г. полностью выполнялись. В этом преимущество местных, негосударственных каналов взаимодействия стран-соседей, которое наиболее масштабно проявляется в Балтийском регионе.

В обозримом будущем Россия не ожидает членства в Евросоюз, оно не нужно ни России, ни ЕС. Но это не является препятствием для тесного сотрудничества, сближения законодательства, как и в случае Норвегии и Швейцарии, которые не вступают в ЕС, но действуют, как и Россия, на основе пакета подписанных соглашений. При поиске форм европейской интеграции необходимо учитывать тенденции глобализации. Одна из таких тенденций – ослабление роли государства, предсказанная философами еще в начале XX в. (в том числе В.И. Лениным в его работе “Государство и революция”). По мнению многих исследователей, сегодня этот процесс только набирает силу. Обществоведы приходят к выводу, что в ближайшем будущем нас ожидает период, характеризуемый многими чертами Средневековья. В соответствии с установленным классиками законом развития общества “по спирали” мы наблюдаем еще один виток истории: человечество возвращается к миру многополярному, не имеющему единого глобального лидера.

Проявляется и еще одна черта Средневековья. На наших глазах происходит возрождение города как самостоятельного субъекта международных отношений. Сегодня это Гонконг, Дубай, Сингапур, Нью-Йорк, Шанхай, Лос-Анджелес, Лондон, Токио, Санкт-Петербург, Москва – именно здесь создаются и устанавливаются стандарты глобализации. Но ведь это уже было в Европе – Ганзейский Союз, в который входили многие европейские города, в том числе и города северо-запада Руси – Новгород, Псков, Изборск, Нарва, Полоцк, Витебск, Смоленск и другие, объединенные общей христианской культурой. Число городов Ганзейского союза во время его расцвета в XIII–XVI вв. доходило до 170. Ганза держала в руках практически всю европейскую торговлю по Балтийскому и Северному морям, Центральной и Северной Европе, создавала ее материальную и социально-правовую инфраструктуру, способствовала развитию промышленности, росту культуры и образования (именно во времена Ганзы возникли университеты на северо-востоке Европы: в Упсале, Тарту, Бергене, Копенгагене). Экономическая роль Ганзейского Союза заключалась в развитии эффективного взаимодействия между производящими районами Северной, Западной, Восточной, Центральной Европы и даже Средиземноморья.

Современная тенденция регионализации открывает широкие возможности для возрождения нового Ганзейского союза, наиболее приемлемого и эффективного формата сотрудничества РФ – ЕС, что полностью соответствует как геостратегическим целям объединения Европы, так и геостратегическим целям Российской Федерации. Новый союз будет иметь целый ряд преимуществ, важнейшими из которых является то, что на Северо-Востоке Европы появились новые участники – Финляндия и три страны Балтии, а современная Россия располагает многочисленными собственными морскими портами, в том числе и незамерзающим Калининградским, расположенным внутри ЕС. Анализ сотрудничества городов Москва – Рига, Москва – Таллинн, Санкт-Петербург – Таллинн, Санкт-Петербург – Хельсинки и анализ документов, подписан-

ных мэрами этих городов, показывает, что они во многом повторяют опыт Ганзейского союза.

Украинский кризис, вызвавший напряженность между Россией и Евросоюзом, актуализировал использование форм взаимодействия, рожденных естественными процессами, идущими “снизу” импульсами международного сотрудничества. В условиях межгосударственной напряженности на первый план выходит то, что связано с неинституциональными процессами, которые реализуются в виде многочисленных капилляров приграничного взаимодействия, берущих на себя основную нагрузку по внутрирегиональному диалогу.

В условиях противостояния возможности государственных структур, и, прежде всего МИД, ограничены. Негосударственные организации являются более гибкими, доступными, вызывающими больше доверия, и, наконец, более экономичными. В новой демократической России эта деятельность обозначается точным и емким понятием “народная дипломатия”. Как показывает опыт Балтийского региона, в рамках отношений с нашими соседями по Евросоюзу этот общественно-политический феномен, во многом благодаря профессиональным, деловым, научным, творческим и просто межличностным связям, оказывается особенно эффективным и значимым. Не скованные жесткой регламентацией протокольных и идеологических норм, они все чаще берут на себя работу по гармонизации международных связей. В настоящий момент в нашей стране начинает ощущаться потребность подкрепить внешнеполитический механизм государства системой его широкой поддержки в обществе. Без участия инициативных общественных институтов внешняя политика остается очень уязвимой для кулуарных решений, не сможет отражать весь спектр общественных интересов, а потому рискует остаться неэффективной в выражении и защите национальных интересов страны. Именно такая активная позиция общественных сил России через средства народной дипломатии позволит не только добиться ускорения строительства будущего Большого Европейского Дома, но и в настоящее время перейти от конфронтации с соседями к завоеванию весомых позиций в объединяющейся Европе.